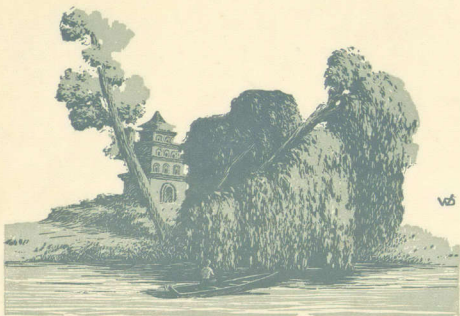

Г.Х. АНДЕРСЕН
СОЛОВЕЙ
СКАЗКА

ДЕТГИЗ

1946

Г.-Х. АНДЕРСЕН

СОЛОВЕЙ

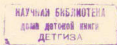
ПЕРЕВОД А. и П. ГАНЗЕН. ПОД РЕДАКЦИЕЙ К. ШАВРОВА
ГРАВЮРЫ ВЛАДИМИРА ДОМОГАЦКОГО

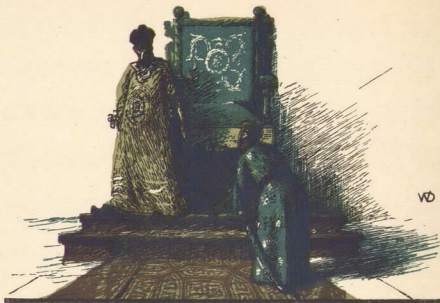

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР

МОСКВА 1946 ЛЕНИНГРАД

2101

Ты, верно, знаешь, что в Китае все жители китайцы и сам император китаец.

Давным-давно это было, но потому-то и стоит рассказать эту историю, пока она еще не забылась совсем.

В целом мире не нашлось бы дворца лучше, чем дворец китайского императора. Он весь был из драгоценного фарфора, такого тонкого и хрупкого, что страшно было до него и дотронуться. Дворец стоял в прекрасном саду, в котором росли чудесные цветы. К самым

красивым цветам были привязаны серебряные колокольчики. И когда дул ветерок, цветы покачивались и колокольчики звенели. Это было сделано для того, чтобы никто не прошел мимо цветов, не поглядев на них. Вот как умно было придумано.

Сад тянулся далеко-далеко, так далеко, что даже сам садовник не знал, где сад кончается. А сразу за садом начинался дремучий лес. Этот лес доходил до самого синего моря. Большие корабли проплывали под нависшими над водой ветвями. Тут в лесу, у самого берега моря, жил соловей. Он пел так чудесно, что даже бедный рыбак, слушая его песни, забывал о своем неводе.

Со всех концов света приезжали в столицу императора путешественники. Все они любовались великолепным дворцом и прекрасным садом, но, услышав пение соловья, говорили: „Вот это лучше всего!“

Вернувшись домой, путешественники рассказывали обо всем, что видели. Ученые описывали столицу Китая, дворец и сад императора и никогда не забывали упомянуть о соловье; поэты слагали в честь крылатого певца, живущего в китайском лесу, на берегу синего моря, чудеснейшие стихи.

Книги расходились по всему свету, и вот одна толстая книга дошла и до самого китайского императора. Он сидел на своем золотом троне, читал и кивал голо-

вой. Ему очень приятно было читать о том, как хороша его столица, как прекрасны его дворец и сад. Но вот на последней странице книги император прочитал: „В Китае много чудесного, но лучше всего маленькая птичка, по имени соловей, которая живет в лесу близ императорского сада. Ради того, чтобы послушать ее пение, советуем каждому съездить в Китай“.

— Что такое? — сказал император. Он встал с трона и захлопнул книгу. — Как! В моем государстве и даже рядом с моим собственным дворцом живет такая удивительная птица, а я ни разу не слыхал, как она поет! И мне приходится узнавать о ней из чужих книг!

И он велел позвать своего первого министра. Этот министр напускал на себя такую важность, что если кто-нибудь из людей пониже его чином осмеливался заговорить с ним или спросить его о чем-нибудь, он отвечал только: „Пф!“, а это ведь ровно ничего не означает.

— Я прочел в ученой книге, что у нас есть замечательная птица, которую зовут „соловей“, — сказал император министру. — Ее считают первой достопримечательностью моего государства. Почему же мне ни разу не докладывали об этой птице?

— Ваше величество! — отвечал первый министр и поклонился императору. — Я даже и не слыхал о ней. Она никогда не была представлена ко двору.

— Весь свет знает, что у меня есть, а сам я не знаю!— сказал император.— Я хочу, чтобы сегодня же вечером птица была здесь и пела передо мной!

— Я разыщу ее, ваше величество,—сказал первый министр.

Сказать было нетрудно. А где ж ее разыщешь?

И вот первый министр забежал вверх и вниз по лестницам, по залам и коридорам, но никто из придворных и не слыхивал о соловье. И первый министр вернулся к императору и доложил, что соловья в Китае нет и не было.

— Ваше величество напрасно изволите верить всему, что пишут в книгах. Это все одни выдумки и черная магия.

— Не говори глупостей!—сказал император.— Я хочу слышать соловья. Он должен быть во дворце сегодня же вечером! А если его не будет здесь в назначенное время, я прикажу после ужина отколотить тебя и всех министров палками по пяткам.

— Тзинг-пе!—сказал первый министр и опять забегал вверх и вниз по лестницам, по коридорам и залам.

С ним бегали все сановники и придворные — никому не хотелось отведать палок. На площадках лестниц они сталкивались носами и спрашивали друг друга:

— Что такое со-ло-вей? Где найти соловья?

Так они обегали весь дворец и наконец попали на кухню. В кухне сидела маленькая девочка и вытирала тарелки. Первый министр спросил девочку, не знает ли она, где живет соловей.

— Соловей? — сказала девочка. — Ну конечно, знаю! Он так хорошо поет в нашем лесу! Я каждый день ношу моей больной матери остатки от обеда с императорской кухни. А живем мы у самого моря. Там в лесной чаще есть старое дерево с большим дуплом и густыми-густыми ветвями. И вот, когда я прохожу мимо этого дерева, я каждый раз слышу песню соловья. Он поет так нежно, что слезы капаят у меня из глаз, а на душе становится так радостно, будто меня целует мама.

— Девочка, — сказал первый министр, — я позволю тебе посмотреть, как кушает сам император, если ты сведешь нас к соловью. Он приглашен сегодня вечером ко двору.

И вот все отправились в лес. Впереди шла девочка, а за ней — министры и сановники.

Шли они, шли и вдруг услышали, как замычала корова.

— О! — сказали придворные. — Это, наверно, и есть соловей. Какой сильный у него голос!

— Это мычит корова, — сказала девочка. — Еще далеко до того дерева, на котором живет соловей.

И все пошли дальше.

Тут в пруду заквакали лягушки.

— Чудесно! — сказал придворный бонза. — Наконец-то я слышу соловья! Он поет точь-в-точь как серебряные колокольчики в нашей молельне.

— Нет, это лягушки, — сказала опять девочка. — Но теперь, я думаю, мы скоро услышим и самого соловья.

И вот наконец в зеленых ветвях раздалось чудесное пение.

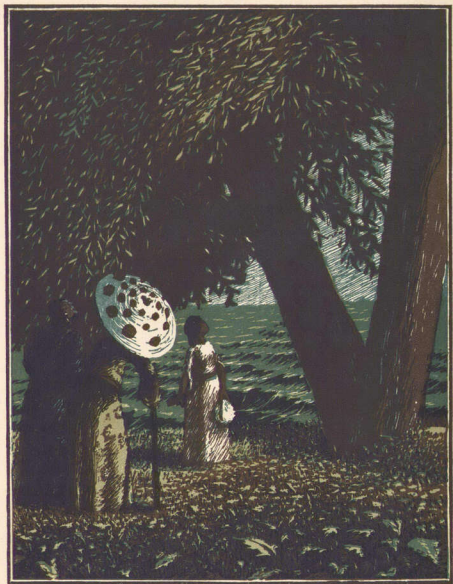
— Вот это соловей, — сказала девочка. — Слушайте, слушайте! А вот и он сам. — И она указала пальцем на маленькую серенькую птичку, которая сидела на ветке.

— Пф! — сказал первый министр. — Никак не думал, что этот знаменитый соловей такой невзрачный с виду. Наверно, он потерял свои краски от страха, увидев так много знатных особ.

— Соловушка! — громко закричала девочка. — Наш император хочет послушать твои песни.

— Очень рад! — ответил соловей и запел так, что просто чудо.

— Пф, пф! — сказал первый министр. — Ваш голос звенит так же звонко, как стеклянные колокольчики на парадном балдахине императора. Вы будете иметь огромный успех при дворе.

— Спеть ли мне еще для императора? — спросил соловей. Он подумал, что тут был сам император.

— Послушайте, господин соловей, — сказал первый министр, — его величество император приглашает вас сегодня вечером на придворный праздник. Не сомневаюсь, что вы очаруете его величество своим дивным пением.

— Песни мои гораздо лучше слушать в зеленом лесу, — сказал соловей. — Но я охотно полечу с вами, если это будет приятно императору.

А во дворце между тем все бежали, хлопали дверями и суетились — все готовились к празднику. В фарфоровых стенах и в стеклянном полу отражались сотни тысяч золотых фонариков; в коридорах рядами были расставлены прекрасные цветы, а привязанные к цветам колокольчики от всей этой беготни, стукотни и сквозняка звенели так, что не слышно было человеческого голоса.

И вот наступил вечер. Посреди огромного зала сидел император. Напротив императорского трона возвышался золотой шест, и на самой верхушке его сидел соловей. Все придворные были в полном сборе. И бедной девочке из кухни позволили стоять в дверях — в награду за то, что она нашла соловья, первый министр назначил ее лейб-поварихой. Все были разодеты в пух и прах и не сводили глаз с маленькой серенькой птички. Но вот император милостиво кивнул головой.

И соловей запел. Он пел так нежно, так чудесно, что у императора выступили на глазах слезы и показались по щекам. Тогда соловей залился еще громче, еще нежнее.

Когда он кончил, император сказал, что жалует соловью свою золотую туфлю на шею. Но соловей поблагодарил и отказался.

— Я видел в глазах императора слезы, — сказал соловей. — Какой мне еще желать награды?

И опять зазвучал его чудесный голос.

— Ах, это очаровательно! — восклицали наперебой придворные дамы.

И с тех пор, когда им нужно было разговаривать с кем-нибудь, они набирали в рот воды, чтобы она булькала у них в горле. Они воображали, что это бульканье похоже на соловьиные трели.

Соловья оставили при дворе и отвели ему особую комнату.

Два раза в день и раз ночью ему разрешали гулять. Но к нему приставили двенадцать лакеев, и каждый из них держал привязанную к ножке соловья шелковую ленточку. Нечего сказать, большое удовольствие было от такой прогулки!

Весь город заговорил об удивительной птице, и если встречались на улице трое знакомых, один из них сейчас же говорил: „со“, другой подхватывал: „ло“, а

третий: „вей“, после чего все трое вздыхали, сразу поняв друг друга.

Одиннадцать лавочников дали своим сыновьям имена в честь соловья, но ни один из мальчиков не мог спеть даже самой простой песенки.

Но вот однажды императору прислали из Японии ящичек, завернутый в шелковую материю. На ящичке было написано: „Соловей“.

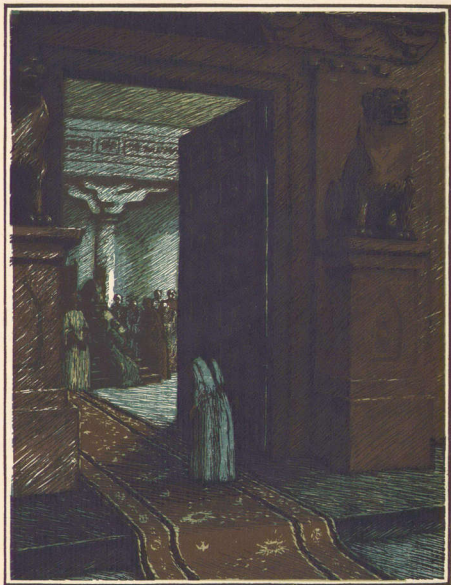
— Это, наверно, новая книга о нашей знаменитой птице, — сказал император.

Ящик открыли, но в нем была не книга, а разукрашенная коробочка. А в коробочке лежал искусственный соловей.

Он был очень похож на настоящего, но весь осыпан брильянтами, рубинами и сапфирами. Стоило завести птицу — и она начинала петь одну из тех песен, которые пел настоящий соловей, и вертеть хвостиком, который отливал золотом и серебром. На шейке у птицы была ленточка с надписью: „Соловей императора японского ничто в сравнении с соловьем императора китайского“.

— Какая прелесть! — сказали все, а того, кто привез драгоценную птицу, сейчас же возвели в чин „придворного поставщика соловьев“.

— Теперь пусть этот соловей и наш настоящий споют вместе, — решил император.

— Но дело не пошло на лад: настоящий соловей пел все новые и новые песни, а искусственный повторял одну и ту же, как заведенная шарманка.

Тогда искусственного соловья заставили петь одного. Его пение так же понравилось придворным, как и пение настоящего соловья, но новая птица была куда красивее — она вся так и блестела, так и сверкала.

Тридцать три раза пропела она одно и то же и не устала.

Придворные охотно послушали бы ее еще раз, да император сказал, что надо заставить спеть и живого соловья. Тут все обернулись и посмотрели на золотой шест. Но соловья там не было. Куда же он девался?..

Никто не заметил, как соловей выпорхнул в открытое окно и улетел в свой зеленый лес.

— Что же это, однако, такое? — сказал император, и все придворные стали бранить соловья и называть его неблагодарной тварью.

— Но все-таки лучшая птица осталась у нас! — сказали придворные.

И искусственному соловью пришлось спеть свою единственную песню в тридцать четвертый раз.

„Придворный поставщик соловьев“ расхваливал свою птицу и уверял, что она гораздо лучше настоящей.

— Изволите ли видеть, высокий повелитель мой, и вы, милостивые господа, — говорил он, — никогда ведь нельзя знать заранее, что именно споет живой соловей, а у искусственного все известно наперед. Можно даже разобрать его и посмотреть, как он устроен: как расположены и действуют все валики, винтики и пружинки.

— О да, мы тоже так думаем, — сказали придворные.

А император велел показать птицу народу в следующее же воскресенье.

— Пусть и народ послушает ее, — сказал император.

Народ послушал и пришел в такой восторг, как будто напился хорошего чаю, — китайцы ведь очень любят чай.

Все в один голос восклицали: „О!“, поднимали вверх указательные пальцы и кивали головами. Но бедные рыбаки, которые слышали настоящего соловья, говорили:

— Голос у него неплохой и поет он почти так же, как наш соловушка, но все-таки не то. Чего-то недостает, а чего — мы и сами не знаем.

Тем временем император издал указ. В этом указе настоящего соловья объявили изгнанным из китайского государства.

А искусственный соловей лежал на шелковой подушке, возле самой императорской постели. Вокруг него

были разложены все пожалованные ему драгоценности, а на шее висела императорская золотая туфля. Искусственной птице дали особое звание: „Первый певец императорского ночного столика с левой стороны“, потому что император считал более важной именно ту сторону, на которой находится сердце, а сердце находится слева даже у китайского императора.

Ученые написали об искусственном соловье двадцать пять книг, полных самых мудреных и непонятных китайских слов. Но все придворные уверяли, что они прочли эти книги и поняли все, что там написано, — иначе ведь их прозвали бы дураками и отколотили палками по пяткам.

Так прошел целый год. Император, весь двор и даже весь народ знали наизусть каждую нотку в песне искусственного соловья. Поэтому-то пение его им нравилось еще больше. Они сами могли теперь подпевать птице. Уличные мальчишки пели: „Ци-ци-ци! Клюк-клюк-клюк!“ И даже сам император напевал иногда: „Ци-ци-ци! Клюк-клюк-клюк!“

И вот один раз вечером искусственная птица распевала перед императором, а он лежал в постели и слушал ее. Вдруг внутри птицы что-то зашипело, зажужжало, колеса завертелись, и музыка смолкла.

Император вскочил и послал за своим лейб-медиком. Но что же тот мог поделать? Ведь он умел лечить

только живых людей. Тогда призвали часовщика. Часовщик открыл птице живот и долго рассматривал какие-то колесики и подвинчивал какие-то винтики. Потом он сказал, что птица будет петь, но с нею надо обращаться очень осторожно: маленькие зубчики истерлись, а поставить новые нельзя.

И император издал новый указ, в котором говорилось, что „первого певца императорского ночного столика с левой стороны“ разрешается заводить только раз в году, да и то не надолго.

Прошло еще пять лет. И вот однажды император заболел. Все доктора говорили, что он непременно умрет. Министры и придворные собирались уже провозгласить нового императора, а народ толпился на улице и спрашивал первого министра о здоровье старого императора.

— Пф! — отвечал первый министр и покачивал головой.

Бледный и похолодевший, лежал император на своем великолепном ложе. Все придворные считали его умершим, и каждый спешил поклониться новому императору. Слуги бегали взад и вперед по дворцу и узнавали последние новости, а служанки проводили время в болтовне за чашкой чая. Во всех залах и коридорах были разостланы ковры, чтобы не слышно было шума шагов, и во дворце стояла мертвая тишина.

Но старый император еще не умер, хотя и лежал совсем неподвижно на своем великолепном ложе под бархатным балдахином с золотыми кистями. Окно было раскрыто, и ясный месяц глядел на императора и искусственного соловья, который лежал на шелковой подушке возле постели императора.

Бедный император не мог вздохнуть, и ему казалось, что кто-то сидит у него на груди... Он приоткрыл глаза и увидел, что на груди у него сидела смерть. На голове у нее была надета корона императора, в одной руке она держала его золотую саблю, а в другой — императорское знамя. А кругом, из всех складок бархатного балдахина, выглядывали какие-то странные головы: одни безобразные и злые, другие красивые и добрые. Но злых было гораздо больше. Это были злые и добрые дела императора. Они смотрели на него и что-то шептали.

— Помнишь ли ты это? — шептала одна злая голова.

— А это помнишь? — шептала другая.

И головы рассказывали императору так много о его злых делах, что на лбу у него выступил холодный пот.

— Я забыл об этом, — говорил император. — А этого никогда и не знал.

И он закричал:

— Музыку сюда, музыку! Бейте в большой китайский барабан! Я не хочу слушать их речи!

Но головы все продолжали говорить, а смерть, как китаец, кивала при каждом их слове.

— Музыку сюда, музыку! — кричал император. — Пой хоть ты, моя славная птичка. Я одарил тебя золотом и драгоценностями, я повесил тебе на шею свою золотую туфлю — пой же, пой!

Но птица молчала: некому было завести ее, а иначе она петь не умела. А смерть все смотрела на императора своими большими, пустыми глазными впадинами.

И вдруг за окном раздалось чудное пение. То был живой соловей. Он узнал, что император болен, и прилетел, чтобы утешить и ободрить его. Он пел, и призраки все бледнели, а кровь прилиwała все живей к сердцу императора. Сама смерть заслушалась соловья и тихо повторяла:

— Пой, пой еще, соловушка!

— А ты отдашь за это императору драгоценную саблю? И знамя? И корону? — спрашивал соловей.

И смерть отдавала императору его сокровища одно за другим, а соловей продолжал петь. Вот он запел о тихом кладбище, на котором цветет бузина, благоухают белые розы и свежая трава на могилах орошается слезами живых людей, оплакивающих своих умерших близких... Тут смерти так захотелось вернуться на клад-

бище, что она закуталась в белый холодный туман и вылетела в окно.

— Спасибо тебе, милая птичка!—сказал император.—Я изгнал тебя когда-то из моего государства, а теперь ты своей песней отогнала от моей постели ужасные призраки, прогнала даже смерть! Чем мне вознаградить тебя?

— Ты уже наградил меня раз навсегда,—сказал соловей.—Я видел слезы в твоих глазах, когда первый раз пел перед тобой,—этого я не забуду никогда. Слезы—самая драгоценная награда певцу.

И он запел опять, а император заснул здоровым, крепким сном.

Когда он проснулся, в окно уже светило солнце. Никто из его министров и придворных не приходил к своему императору. Все думали, что он умер. Один соловей сидел у окна и пел.

— Останься у меня навсегда,—сказал император.—Ты будешь петь, только когда сам захочешь, а искусственную птицу я разобью вдребезги.

— Не надо!—сказал соловей.—Она служила тебе, как могла. Оставь ее у себя. Я не могу жить во дворце. Я буду прилетать к тебе, когда сам захочу, и буду петь тебе о счастливых и несчастных, о добре и зле, обо всем, что делается вокруг тебя и чего ты не знаешь. Маленький соловей летает повсюду, залетает

и под крышу бедного рыбака и поселянина, которые живут вдали от дворца. Я буду прилетать и петь тебе. Но обещай мне...

— Все, что хочешь!— воскликнул император и встал с постели. Он успел уже надеть свое царское одеяние и прижимал к сердцу тяжелую золотую саблю.

— Обещай мне не говорить никому, что у тебя есть маленькая птичка, которая рассказывает тебе обо всем. Так дело пойдет лучше.

И соловей улетел.

Тут вошли придворные поглядеть на мертвого императора, да так и застыли на пороге. Перед ними стоял император, живой и здоровый. И он сказал им:

— Здравствуйте!

WB

К родителям и педагогам

*Издательство просит отзывы об
этой книге сообщать по адресу:
Москва, М. Черкасский пер., д. 1.
Детгиз.*

Для дошкольного возраста

Ответственный редактор Л. Кон.
Художествен. редактор С. Садомяская.
Технический редактор Г. Вебер.

★

Подписано к печати 11/III 1946 г. 3 л. л.
(2 уч.-изд. л.). Тираж 50 000 экз. А00578.
Цена 3 руб.

★

Отпечатано в типографии № М 108

СВЕТЛО

2101

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ
ОБЩЕГО ДОГОВОРА
ДЕТГРИВА

